

А. Ф. Корякина (Якутск)

УСТОЙЧИВЫЕ СЮЖЕТНЫЕ МОТИВЫ В ЭПОСЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

Ключевые слова: устойчивые мотивы, сравнительное изучение, якутское олонхо, алтайский эпос, тувинский эпос, хакасский эпос.

В докладе представлены итоги сравнительного изучения сюжетных мотивов в якутском *олонхо* и в алтайском, тувинском, хакасском эпосах, выявления архаичных сюжетных мотивов эпической традиции. Полученные результаты могут стать материалом для дальнейших научных исследований по выяснению роли эпосов тюркоязычных народов в сложении и формировании эпической традиции у древнейших предков современных якутов, по установлению мотивного фонда якутского *олонхо* и эпосов других тюркских народов. Выявление устойчиво повторяющихся мотивов в эпосах приведет к установлению их общих закономерностей и общих особенностей. Применены сравнительно-текстологический, описательно-аналитический и сравнительно-исторический методы.

Источниковой базой послужили памятники эпического наследия тюрков Сибири.

Олонхо «Хаан Джаргыстай» и алтайский эпос «Маадай-Кара». При сравнительном изучении этих сказаний выявлены устойчивые мотивы священного дерева, коня, вестника, чудесных превращений героев. В алтайском «Маадай-Кара» священным деревом является «вечный тополь», и на нем обитают чудесная кукушка, стражи людей – беркуты и собаки. В якутском же *олонхо* священное дерево Аал Луук Мас – это самое могучее дерево (береза или лиственница), его обитателем является Дух-хозяйка Среднего мира Аан Алахчын Хотун. Кроме схожих мотивов присутствуют мотивы, отличающие рассматриваемые нами эпосы. В якутском эпосе сон как вестник становится причиной выезда богатыря в поход. Увидев вещий сон, сестра Юрюнг Уолана Юкэйдээн Куо выезжает спасать брата. Кёнчюё Бёгё во сне узнает, что он должен спасти девушку Кюн Ёйюёргэн и взять ее в жены. В рассматриваемом алтайском эпосе этот мотив отсутствует. В отличие от *олонхо* в

алтайский эпос вносится мотив *намов* (жрецов). В якутской сказительской традиции предсказателями судеб являются Дух-хозяйка земли и небесные шаманки. В алтайском эпосе обнаружен мотив женитьбы богатыря на дочери подземного мира. Перенятые из сказки мотивы шести богатырей и двойников Когюдей Мергена в «Маадай-Кара» в якутских *олонхо* не прослеживаются.

Некоторые мотивы, предположительно, появились в эпосах на более поздних этапах их развития и бытования, не получили широкого распространения в эпических традициях некоторых родственных народов, поэтому встречаются только в отдельно взятой традиции.

Олонхо «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» и хакасский *алыптых нымах* «Ай-Хуучин». Время первотворения мира присутствует в обоих эпосах. Это прекраснейшая картина мира с изобильными пастбищами для скота и охотничьими угодьями, пронизанная мотивами древней мифической космогонии. В мотиве первотворения перекликается представление якутского и хакасского народов об идеальном мире: идеальная жизнь на солнечной земле – это непременно вольготно пасущиеся на земле богатырей несчетные стада и табуны лошадей. Эпосы сближает мотив чудесного рождения героинь – богатырок. В *олонхо* девушка-богатырь рождается у престарелых родителей, будущая богатырка Ай-Хуучин появляется на свет от породистых скакунов. У них обеих есть брат-близнец и предназначенный свыше конь. Имена обеих богатырок отражают их происхождение, назначение: они – воины-защитницы соплеменников от чудовищ.

Схожи мотивы выезда богатырок в боевой поход. В хакасском эпосе демоническими женщинами похищены дети Хан Миргена. Ай-Хуучин спешит на помощь Хан Миргену и следом за ним спускается в подземное цар-

ство. Богатырка Джырыбына Джырылыатта собирается в дорогу, чтобы спасти брата, попавшего под злодейские чары девушки *абаасы*. В описании борьбы богатырок с чудовищами наблюдается эмоциональный накал и присутствие подробного описания продолжительности боя. Также близки мотивы описания силы богатырок, оборотничества, расправы над телом побежденного врага, коня-вестника, описания страшной внешности чудовищ-врагов, возвращения на родную землю мирной, счастливой жизни. Аналогичны мотивы наречения богатырок именем, главной функции богатырок, их красоты, выезда богатыря. Эти древние мотивы получили продолжение у якутских *олонхосутов* и хакасских *хайджи-нымахчи*. П. П. Ядрихинский–Бэдьээлэ и П. В. Курбижеков являются продолжателями эпической традиции тюрков. Вместе с тем наблюдаются и отличия в сюжетных мотивах: к примеру, в хакасском эпосе отсутствуют обязательные для якутского эпоса архаичные мифологические образы духов-покровительниц семьи и детей (Иэйиэхсит хотун и Айыысыт хотун), духа-хозяйки Среднего мира (Аан Алахчын Хотун), духа огня (Хатан Тэмерийэ), священного дерева Аал Кудук Мас. Отдалившись территориально друг от друга, тюркские народы прервали и тесные культурные связи. В результате эпическая культура каждого народа стала развиваться по-своему.

Якутское олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и тувинский эпос «Хунан-Кара». В проведенном сравнительном анализе выявлено следующее. В мотивах, связанных с конем, мы находим не только

типологическое сходство, но и бесспорное наличие генетической связи между эпическими традициями якутского и тувинского народов, у которых основным видом традиционного хозяйства было коневодство. В обоих эпосах придерживаются устоявшегося в эпосах тюрко-монгольских народов мотива – получения в дар от родителей богатырского снаряжения.

Устойчивый для эпосов многих народов мотив оборотничества создает грандиозно фантастический эпический мир. Обращают на себя внимание многочисленные перевоплощения главных героев и окружающих их персонажей в течение всего повествования. Сражения богатырей описаны с особым пристрастием: богатыри бьются с чудовищами не один раз. В обоих эпосах присутствует мотив сватовства, мотив защиты соплеменников. Врагами богатырей являются чудовища-захватчики, похитители. В описании мотива сражения противников наблюдается отличие: в тувинском эпосе чудовище Кара-Когел-хан обладает реальными чертами – живет в юрте, имеет многочисленное войско, скот. Чудовище предлагает богатырю Хунан-Кара принять участие в народной игре – *баги*.

Представленные в исследовании устойчивые сюжетные мотивы свидетельствуют о неоспоримости общих генетических истоков сказаний. Хотя по законам эпической традиции в каждом эпосе строго соблюдаются композиционный строй сюжетов, устойчивость мотивов и образной системы, каждый национальный эпос отличается богатством содержания, этнической индивидуальностью, национальным своеобразием.

Литература

1. Хакасский героический эпос: Ай Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).
2. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта / Запись со слов олонхосута П. Н. Дмитриева–Туутук. Якутск: Сайдам, 2011. 448 с.
3. Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1973.
4. Нюргун Боотур Стремительный. Якутское олонхо / Текст К. Г. Оросина. Якутск: Кн. изд-во, 1947. 410 с. (на якут. и рус. яз.).
5. Хаан Дьаргыстай: олонхо / [И. А. Худяков суруйуута]. Дьокуускай: ХИФУ изд-та, 2016. 289 с. (на якут. яз.).
6. Хунан-Кара // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12). С. 54–297.